

Татьяна С. Ганенкова

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Полевые заметки о языке старообрядцев Латгалии

On the language of the Old Believers in Latgale

Streszczenie: Podczas ekspedycji do старообрядцев mieszkających na Łotwie w maju 2016 zostały zebrane teksty na etnolingwistyczne i socjolingwistyczne tematy. Analiza pokazała, że ilość dialektyzmów w mowie rozmówców zależy od ich wieku, wykształcenia, miejsca zamieszkania i miejsca urodzenia. Najwięcej dialektyzmów jest w mowie ludzi starszego pokolenia bez wykształcenia wyższego, trochę mniej – u średniego pokolenia bez wykształcenia wyższego. Mowa starszego i średniego pokolenia z wykształceniem wyższym jest bliższa normy, co jest skutkiem mocnego wpływu literackiej normy języka rosyjskiego w systemie kształcenia w drugiej połowie XX wieku. Wpływ ten jest znacznie mniejszy w dzisiejszej Łotwie, co skutkuje tym, że rosyjska mowa młodszego pokolenia, którego przedstawiciele uczyli się w szkołach wyższych w języku łotewskim, ma więcej dialektyzmów.

Słowa kluczowe: Staroobrzędowcy, Łotwa, sytuacja socjolingwistyczna

Summary: As a result of the expedition to the Old Believers in Latvia, in May 2016, ethno-linguistic and sociolinguistic narratives were collected. The analysis showed that the quantity of dialectical features depends on age, education, place of living and place of birth. The old generation without higher education uses a lot of dialectical features, slightly less – middle-aged generation without higher education. As a result of the Standard Russian influence in the second half of the 20th, century people of old and middle generation with higher education speak almost without dialectisms. In modern day Latvia such an influence is less significant, which creates a situation where the Russian speech used by the younger generation undertaking studies in Latvian language possesses more dialectisms.

Key words: Old Believers, Latvia, sociolinguistic situation

Настоящая статья представляет собой результат анализа материала, собранного в ходе экспедиции в Латгалию (Даугавпилсский и Прейльский края) с 15 по 29 июня с сотрудниками Института славяноведения РАН к.ф.н. Г.П. Пилипенко и руководителем группы д.ф.н. А.А. Плотниковой (см. Пилипенко 2016; Плотникова 2016)¹.

Выбор региона был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, старообрядцы в Латгалии проживают с XVII века, образуя особую группу, основанную выходцами из разных регионов России (Заварина 1986). По мнению ученых, занимавшихся изучением русских старожильческих говоров Латвии, и шире Прибалтики в их основу легли псковско-новгородские говоры (Ѕекмонас 2001). Во-вторых, в Латгалии старообрядцы проживают в крайне пестром с конфессиональной, этнической и языковой точки зрения окружении, в связи с чем исследование их языка,

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

этнолингвистической и социоллингвистической ситуации в современном мире представляется крайне интересным и ценным для науки, особенно с учетом изменений в Латвии после 1991 года.

Первым шагом для выполнения данной задачи стал сбор нарративов на этнолингвистические темы на местном говоре методом полуструктурированного интервью. Основным инструментом стала Программа полесского этнолингвистического атласа (Программа 1983). Кроме того, затрагивались социоллингвистические вопросы, особое внимание уделялось контактам староверов с другими языками, конфессиями и этносами, вопрос взаимоотношений диалектной и литературной форм русского языка.

При выборе информантов мы стремились к тому, чтобы в их числе были представлены люди разного возраста (возраст наших информантов от 23 до 95 лет), с разным уровнем образования, из сельской местности и города. Были также проведены интервью с представителями других этносов и конфессий для получения «взгляда со стороны». Всего мы опросили 46 человек².

Прежде всего, следует отметить, что старообрядцы Даугавпилсского края – крайне неоднородная общность. Большинство информантов родились в Латгалии, некоторые прибыли в Даугавпилсский край из Белоруссии и Литвы по разным причинам, в основном экономического характера. Все они считают себя потомками старообрядцев, бежавших от религиозных гонений из России. По мнению опрошенных нами информантов, старообрядцем, или как они сами себя называют, старовером может стать любой человек, для этого наставник должен совершить с ним ряд предписанных действий (старовер в широком понимании). Очевидно, однако, что принадлежность к староверам, воспринимается нашими собеседниками также как принадлежность к отдельной этно-конфессиональной общности. Например, один из информантов сообщает, что *Бабушка у нас староверка, а мама получается наполовину она староверка, и отец её был поляком, ну по паспорту*³ (старовер в узком понимании).

Интересно, что вопрос о правомерности термина «белорусские староверы» у многих информантов вызывал затруднения, поскольку говоря о староверах в узком понимании, большинство информантов имеет в виду общность, говорящую на идиолекте, в основе которого лежат, по всей видимости, русские псковско-новгородские говоры и противопоставляет их белорусам как этнической общности, говорящей на белорусском языке (ср., например, высказывание информанта о старообрядце, приехавшем из Белоруссии: *Различие староверов латвийских и белорусских есть... он уже с говором приехал белорусским таким*).

² При организации полевого исследования неоценимую поддержку оказали коллеги из Даугавпилсского университета; контакты с информантами удалось установить также благодаря помощи сотрудников Науенского краеведческого музея, Прейльского музея истории и прикладного искусства, наставникам Василию Тришкину и Иоанну Жилко (см. также: Пилипенко 2016: 506-507).

Особую благодарность хотелось бы выразить Н. Морозовой за ценную информацию о научной литературе по русским говорам Прибалтики, а также Т. Колосовой и Е.Е. Королевой.

³ Транскрипция является условно-фонетической. Фонетически транскрибируются только те особенности, которые отличают говор от литературной нормы.

Ситуация еще больше осложняется тем, что в последние годы явление смешанных браков (межэтнических и межконфессиональных) стало очень распространенным, в связи с чем вопрос, язык какой группы мы изучаем, не так прост, как кажется на первый взгляд. Вопрос самоидентификации является очень сложным и для самих информантов из таких семей, чаще всего они определяют себя через отрицание: не латыши, не русские, не поляки.

Для получения наиболее полной картины мы решили исследовать староверов и в широком понимании (соответственно, сюда попадают жители приграничных с Белоруссией и Литвой регионов), и в узком, учитывая данные от людей, имеющих староверские корни, но в настоящее время исповедующих другую веру.

При анализе современной ситуации говора мы опирались на исследования наших предшественников. Отдельные сведения о русских говорах Латвии встречаются в научной литературе еще в конце XIX в., однако их планомерное изучение началось только во второй половине XX в. Одним из самых ранних исследований говора старожильского русского населения Латвии⁴ является диссертация М.А. Новгородова (Новгородов 1958). В ней описываются основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности говора Дагдского района Латвии. Обращает на себя внимание, что при описании большинства черт употребляются слова «часто», «иногда», т.е. даже в 1960-ые года многие особенности являлись вариативными и не имели статуса строгого правила. М.А. Новгородов также указывает на возрастающее влияние литературного языка на описываемый диалект.

Важным событием для исследователей русских говоров Прибалтики, в том числе и Латвии, было издание *Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики* (Немченко и др. 1963). Во вступительной статье кратко перечисляются основные черты, объединяющие русские говоры трех стран, и подчеркивается их большая близость. Из-за ограниченности во времени авторы этого дифференциального словаря смогли включить лексику только из отдельных регионов Прибалтики, например, для Латвии это Прейльский район. Несмотря на схожесть данных из Латвии, Литвы и Эстонии, материал каждой страны имеет небольшие отличия. Кроме того, авторы указывают, что слова, собранные в Прейльском районе, отличаются от слов центральных районов Латгалии (особенно около Резекне), поскольку переселение в Прейльский район шло через Литву, а в Резекненский – непосредственно с русских территорий. В качестве общей особенности литовских и латышских русских говоров отмечается влияние белорусского языка.

Говоря о русских диалектах Латвии, невозможно не упомянуть труды М.Ф. Семеновой. Среди ее многочисленных работ отметим статью *Русские говоры Латвии* (Семенова 1972), где выделяются три группы говоров: говоры обрусевших белорусов по южной и юго-восточной окраине, старообрядческие говоры с псково-новгородской основой в центральной Латгалии и говоры переселенцев с соседних псковских земель на востоке Латгалии (доходят до Резекненского района), а также

⁴ Этот термин относился к русским, предки которых переселились в XVII-XIX вв. на территорию нынешней Латвии, основную часть переселенцев составляли старообрядцы (Заварина 1986).

описываются общие и дифференцирующие черты. Отмечается, что и внутри групп наблюдаются различия от деревни к деревне.

Основные исследования по русской диалектной лексике Латвии принадлежат А.И. Синице, М.Ф. Семеновой и Е.Е. Королевой. Помимо влияния белорусского и латышского языков отмечается также влияние польского языка, долгое время бывшего одним из самых престижных языков региона.

В качестве основы для сравнения нашего материала с данными наших предшественников была выбрана статья В.Н. Чекмонаса (Čekmonas 2001), которая в обобщенном виде представляет результаты исследований старожильческих говоров Прибалтики, в основном, 60-70-ых годов. Собранные данные показывают, что социолингвистическая ситуация с тех пор сильно изменилась.

В качестве наиболее существенных факторов мы выделяем следующие: место рождения, место проживания, возраст, образование и язык, на котором было получено образование, и этническая принадлежность.

Больше всего черт, описанных в статье В.Н. Чекмонаса, присуще речи старшего поколения, основную часть своей жизни прожившего в сельской местности и не имеющего высшего образования, а именно: недиссимилятивное аканье (присуще всем поколениям), яканье (однако с небольшим влиянием иканья, например, в речи одного и того же информанта можно услышать *ня нада* и *ни нада*), твердое *ч*, наблюдается расподобление *щ* на *ши* (*кладбищиэ*) или *шч* (*шчэлочки*), в одном случае на *сч* (*есчо*). С разной степенью последовательности произносится билабиальное *ў* (обычно на месте *в ўот, ўместе, короў, взяўши*; у информанта из Браславского района Белоруссии на месте *л – у воўка*).

Довольно редко в анализируемых текстах встречаются слова, где вместо начального *у* произносится *в* (*вже* вместо *уже*, *вдарить* вместо *ударить*).

Крайне редко встречается протетическое *в* перед гласными заднего ряда (последовательно только у одного информанта из с. Бикерники на *вулицы, на вузлах*), окончание *-ы* в дат.п. ед.ч. у сущ. ж.р. (*перябрался к жаны* только в речи информанта родом из Белоруссии), вместо *ы* произносится *у* в слове *мужуки* вместо *мужики* у двух информантов, единичные случаи фрикативного *у* в отдельных словах у информантки из Силене (*в уороде*) и у всех информантов в словах *Бог* и *Богородица*⁵.

Место ударения часто отличается от литературного, в качестве наиболее характерных отметим формы *была* вместо *была́*, *жила* вместо *жила́* и ударение на последний слог в вин.п. ед.ч. некоторых слов ж.р. (*воду́, землю́*) и крайне редко, но во всех падежах у слова *дочка́*.

Регулярно встречается конструкция *в+Пп*⁶ для сущ. и *в+Рп* для мест. вместо *у+Рп* (*в староверах перед Троицей молятся; брат в меня был*), использование дейст.прич. прош.вр. (в том числе в сочетании с глаголом *быть* в прош.вр.) в качестве финитных глаголов, иногда с плюсквамперфектным значением, иногда полностью синонимичные прошедшему времени (*Павло разбился с сыном, со своим, Надя тоже помёрши, Стёпа тоже помёрши, Нина вот помёрла тоже; промеж тамка, шесть*

⁵ Этот факт не отмечается в статье В. Чекмонаса.

⁶ В статье В. Чекмонаса написано *в+творительный падеж*, однако судя по примерам (*в купцах*) это опечатка и имеется в виду предложный падеж (Čekmonas 2001: 120)

улей, ну девять был поставивши)⁷, местоимения *яна, ён, яно, яны* или *аны, тая* (*яны где-то в России жили*), пассивные конструкции с полными причастиями (*она как сядо дня с колодца принёсеная*), изменение порядка слов при генетиве (*купили французжάνки землю*).

В некоторых случаях наблюдается рассогласование (*а мы с сястрóй тридцать восьмого записана; у меня тут недавно было сердцем заболевши*). Если первый пример коррелирует с многочисленными примерами из (Ѓекмонас 2001: 118), то второй является единичным и отражает, по-видимому, изменение синтаксической перспективы, характерной для устной спонтанной речи. Предлог *с* используется вместо *из* (*с Москвы, компот с калины*)⁸, им.п. в конструкции *надо/не надо* (*уже йим надо поля стали*).

Редко встречаются формы тв.п. мн.ч. существительных типа *рукам, ногам* (*когда маленькие были мы, они год кормили, этим, тока, баранкам*).

Записанные нами лексические диалектизмы можно найти в *Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики* (Немченко и др. 1963), *Материалах для Словаря русских говоров Латвийской ССР* (Материалы 1970-1972) и *Словаре говора староверов Эстонии* (Паликова, Ровнова 2008): *Паска* ‘Пасха’, *хрестбины* (встретилось в варианте *крестбины*) ‘крестины’, *картофляники* ‘блюдо из картофеля’, *бураки* ‘свекла’, *швагра* ‘брат жены и муж сестры, шурин’ и т.д. Среди заимствований больше всего слов латышского (*баркан* ‘морковь’) и польского (*жебрак* ‘нищий’) происхождения.

В речи старшего и среднего поколений с высшим образованием практически не встречаются фонетические, морфологические и синтаксические диалектные особенности. Исключение составляют препозиционный генетив (*это же Горбатого сухой закон был*), изредка ударение (*была, не пїла, через реку*) и отсутствие иканья в словах типа *яички* при описании празднования Пасхи (это связано с тем, что лексика традиционной культуры меньше всего подвергается внешнему влиянию).

Интересно, что в речи старшего и среднего поколения с высшим образованием часто встречается им.п. вместо тв.п. после глаголов типа *быть* и *стать* (*хозяйка этого кафе была подружка моей дочери*). Представители среднего поколения, владеющие латышским языком, говорят о том, что иногда вставляют некоторые латышские слова в свою речь (*ну то есть что-то понимаем, что-то можем и попляпать, то есть поболтать*). Лексические диалектизмы типа *крестбины, паска, швагра, малец* встречаются в их речи регулярно (однако вместо *баркан* используется только *морковь*).

Наиболее интересной является речь молодого поколения – тех, кто учился в школе (в старших классах) и в университете на латышском языке. Дело в том, что русская речь молодежи, получившей среднее и высшее образование на латышском, содержит намного больше диалектных черт, чем речь среднего поколения с высшим образованием.

В частности отмечены следующие диалектизмы: 1) конструкции с деепричастиями на *-вши/ши* в качестве предиката (*там в 93-ем был Папа Римский*

⁷ Ситуация с их употреблением схожа с той, которая описана в (Морозова, Чекмонас 2003).

⁸ Эта черта не является особенностью говора и повсеместно встречается в русском просторечии.

при... вот я хотел сказать приехавши; ну я слышана об этом, потому что мой отец сидевши), 2) много пассивных причастий (хотя я знаю, что в семьях, где, например, может быть, не взрощены такие традиции), 3) конструкция в+Рп местоимений вместо у+Рп (в нас сейчас общество эмансипированное), 4) предлог с вместо из (там был один профессор с Шотландии; соседи варили суп с <...> грибов на молоке), 5) частое использование им.п. вместо тв.п. после глаголов типа *быть* и *стать* (это, наверное, и была главная причина), 6) им.п. с отрицанием (у нас поблизости цыгане просто не были), 7) предлог с+Твп вместо тв.п. (вообще никогда с гаданием не занималась)⁹ и 8) намного больше лексических диалектизмов (ежали).

Из фонетических особенностей в речи молодого поколения с высшим образованием и без было зафиксировано только ударение, отличное от литературного (его жена была отсюда с Латгалии; отец её был поляком; она начала ходить в польскую школу; лепится такие лепёшки и в горячую воду) и отсутствие иканья в словах типа яички.

Что касается лексики, то, по словам молодых информантов, часто в разговоре с русскими друзьями они могут вставлять латышские слова (датор 'компьютер', пагаст 'волость' и др.: ну типа зелёный бал заjumballe это когда все выходят куда-то вот на природу; ну вот с ребёнком лично моё... и... этот... изобретение... у меня такое слово вошло в обиход «воза́ться» vazāties есть по-латышски слово vazāties, ну то есть это там, ну как шляться), иногда приветствия (Ну часто со своими русскими друзьями, там звоню, там на латышском сначала начинаю, там типа пару фраз, потом по-русски. «Чё ко jū darāt» - что ты делаешь, он отвечает – «Ничего») и потом опять по-русски), иногда даже ритуальные фразы (например, во время выкупа невесты первое, что делают, выкупают обязательно за деньги, за... как это... за... как это? Грауда бауда [лат. *graudā baudā* выкуп зерном или наслаждением; традиционная формула по словам опрошенных нами латышей должна звучать *naudā (vai) graudā деньгами (или зерном) как это?*).

В зависимости от языка, который используется в семье, в речи могут присутствовать заимствования из других языков. Например, у одной из информанток бабушка была полькой, именно с этим фактом мы связываем большое число полонизмов в ее речи: и раньше не было такого, что напасть колорадов там ещё чего (польск. *napaść* 'нападение'); при Советах вообще было файно (польск. *fajno* 'здорово, прекрасно'); но это немножко уже за много (польск. *za dużo* 'слишком много') и т.д.

Таким образом, в настоящий момент в Латгалии наблюдается крайне интересная языковая и социолингвистическая ситуация: русская речь молодого поколения не подвергается активному редактированию в процессе школьного и университетского образования (в отличие от речи старшего поколения, обучавшегося в высших учебных заведениях во времена Советского Союза), в связи с чем сохраняет зачастую больше диалектных черт, чем речь среднего поколения с высшим образованием.

⁹ Эта черта не встретилась нам в речи старшего и среднего поколения, но отмечается в (Сёкмонас 2001:122).

Литература:

- Čekmonas V., 2001, *Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects*, [в:] *The Circum-Baltic Languages – Typology and Contact*, Dahl and Коптјевскаја-Тамм (eds), с. 101.
- Заварина А.А., 1986, *Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века*, Рига.
- Материалы для Словаря русских говоров Латвийской ССР: Пособие для практических занятий со студентами по курсу: "Русская диалектология"*, 1970-1972, составитель Семенова М.Ф., тт. 1-6, Рига.
- Морозова Н.А., Чекмонас В.Н., 2003, *К проблеме грамматического статуса и значения сочетаний быть прои. + л-овые формы глагола в старообрядческих говорах Литвы*, [в:] *Псковские говоры: синхрония и диахрония. Межвузовский сборник научных трудов*, ред. Костючук Л.Я., Псков, с. 206-223.
- Немченко В.И., Синица А.И., Мурникова Т.Ф., 1963, *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*, ред. Семенова М.Ф., Рига.
- Новгородов М.А., 1958, *Говор старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Паликова О.Н., Ровнова О.Г., 2008, *Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся*, Тарту.
- Пилипенко Г.П., 2016, *Полевое исследование старообрядцев в Латвии*, «Славянский альманах», № 3-4, с. 504-509.
- Плотникова А.А., 2016, *Об экспедиции к латгальским староверам*, «Живая старина», № 4 (92), с. 50-53.
- Программа полесского этнолингвистического атласа*, 1983, [в:] *Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования*, Москва, с. 21-46.